Д. В. РУДНЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СВЯЗОЧНОГО ГЛАГОЛА *СТАТЬ*

Глагол *стать* относится к числу грамматикализованных лексических средств русского языка, которые используются для выражения начинательности; его отличительной особенностью по сравнению с другими подобными средствами является широкая дистрибуция — глагол *стать* способен реализовывать фазовое значение начинательности как в сочетании с инфинитивом, так и в сочетании с именными предикатами. История грамматикализации глагола *стать* несколько раз становилась объектом внимания историков языка [Демиденко 1963; Камышева 1994; Молдован 2010], тем не менее существует целый ряд спорных вопросов, касающихся хронологии и семантико-синтаксических механизмов развития глаголом *стать* фазового значения. Решению этих вопросов мешает как «состояние изученности письменных источников» [Молдован 2010: 12], так и игнорирование некоторых языковых фактов и в силу этого неправильная постановка проблемы. В рамках настоящей статьи делается попытка осветить историю развития связочного приименного употребления глагола *стать*.

В современном русском языке связка *стать* является средством выражения фазисного значения в составном именном сказуемом. В словарях ее значение определяется как ‘делаться кем-, чем-либо или каким-либо, приходить в какое-либо состояние’ [БАС, 14: 728]; А. М. Пешковский определял значение *стать* как «переход из одного состояния в другое» [Пешковский 1956: 216]. Это же значение в современном русском языке выражает связочный глагол *(с)делаться*. Можно отметить определенный параллелизм с приинфинитивным употреблением глагола *стать*, который в начинательных конструкциях конкурирует с фазовым глаголом *начать*. Однако если в приинфинитивном употреблении *стать* довольствуется лишь второй ролью, количественно многократно уступая глаголу *начать* [Молдован 2010: 5][1], то в приименном употреблении значительно опережает связку *сделаться* по частотности употребления.

В словаре И. И. Срезневского перечисляется 29 значений глагола *стать* в древнерусском языке: ‘стать’, ‘встать, подняться’, ‘остановиться,

[1] Аналогичный вывод можно сделать на основании данных, приведенных в [Грудева, Кузьмина 2009].

Русский язык в научном освещении. № 2 (28). 2014. С. 82—103.

стать станом’, ‘остановиться, занять помещение’, ‘явиться, предстать’, ‘остаться’, ‘собраться’, ‘занять место, должность’ и др. Выделяет Срезневский и связочное значение ‘сделаться, стать’ в примерах *Съгна оц҃ѧ съ прѣстола, а самъ* ***ц҃рмъ ста*** (Новг. I л. 6712 г.), *А коли Богъ дасть,* ***стану митрополитомъ*** (Зап. Луц. еп. Іо. 1398 г.) [Сл. Срезневского, 3: 507][2]. К этому употреблению мы еще вернемся ниже.

В научной литературе представлены две точки зрения на происхождение связки *стать*. С. Ю. Камышева видит этот процесс следующим образом. В глаголе *стать* происходит сопряжение семантики функционально-семантических полей «действие» и «состояние», его категориальной семой является «состояние субъекта как результат перемещения в пространстве». Предпосылкой для развития связочного значения глагола *стать* является актуализация в его структуре немаркированного дифференциального признака «перемещение, совершавшееся безотносительно к сфере» при одновременной нейтрализации маркированных дифференциальных признаков. Соединяясь с именем, такой глагол развивает более абстрактное, диффузное значение; у него развивается сема «возникновение признака, модифицирующего сферу субъекта». В результате этого процесса смысловой центр предиката передвигается на лексему, которая конкретизирует этот признак, а глагол берет на себя дейктические функции [Камышева 1994: 8—9][3].

Имя, выражающее признак субъекта, могло выражаться в древнерусском языке тремя способами: а) кратким прилагательным: ***оумоленъ ста*** *посредѣ ц҃ркве* (ГБ XIV, 77а), ***сташа*** *днье* ***зли*** (ЛН XIII—XIV, 15 об.); б) существительным в Им. п.: *мои были слуги и тии* ***стали*** *намъ* ***ворогъ*** (ГР 1393, I, ю.-р.); в) существительным в Тв. п.: ***еп(с)пмъ стати*** (ГА XIII—XIV, 78 об.), *аще кто не оженився* ***станеть прозвутером*** (КР 1284, 66б-в), *братъ своего же слѣпивъ а сам* ***ц҃рсмь ста*** (ЛН XIII—XIV, 66 об.)[4] [Камышева 1994: 13—16]. Приведенные примеры из работы Камышевой показывают редкость употребления глагола *стать* в связочной функции в древнерусском языке.

В представленной точке зрения связочное употребление глагола *стать* возводится к глубокой древности. Недостаточно ясными остаются два существенных момента. Во-первых, глагол *стать* в разных примерах имеет разное значение, в связи с чем неизбежен вопрос о том, как эти значения связаны друг с другом, какое из них первично, а какое вторично. Напри-

---

[2] В Словаре русского языка XI—XVII вв. выделяется 32 значения [СлРЯ XI—XVII, 28: 22—27].

[3] К этой точке зрения на происхождение связочного значения глагола *стать* присоединяется Л. В. Попова [Попова 2013: 24—25].

[4] С. Ю. Камышева пользовалась Картотекой Словаря древнерусского языка XI—XIV вв., и указания на источники приведены в соответствии с сокращениями, принятыми в данном словаре.

мер, первый из приведенных примеров показывает связочное употребление полнозначного глагола *стать* (***оумоленъ ста*** *посредѣ цр҃кве*), тогда как в остальных случаях можно говорить о фазисном значении связочного глагола *стать*.

Во-вторых, столь же неизбежно возникает вопрос о сочетаемости глагола *стать* в разных примерах, и прежде всего вопрос о соотношении употребления существительного в Им. п. и в Тв. п.: если основываться на приведенных примерах, то возникает впечатление, что в древнерусском языке творительный предикативный существительного употреблялся в сочетании со связкой *стать* не только шире, чем именительный предикативный, но и распространился раньше. Это, однако, полностью противоречит трактовке творительного предикативного как новообразования.

Скорее всего, употребление глагола *стать* в сочетании с существительным в Тв. п. в древнерусском языке, которое в научной и учебной литературе (в том числе и у Срезневского) оценивается как связочное, не является таковым. Здесь мы имеем случай модернизации оценки языкового материала под влиянием современного русского языка. Творительный падеж имени может быть квалифицирован в этих примерах не как предикативный, а как «творительный образа» (А. А. Потебня), творительный «временного признака» (К. И. Ходова). Такая трактовка этих примеров тем более возможна, что у глагола *стать* выделяется значение ‘занять место, должность’: ***Недостоинѣ ѥсть сталъ****, оже не блг҃нъ ѥсть ѿ великаго сбора, ни ставленъ* (Новг. I л. 6657 г.), *А которыи поповичь… въсхочетъ* ***стати в попы*** *или* ***въ діаконы****, ино ему волно стати* (Уст. гр. Вас. Дм. 1392 г.) [Сл. Срезневского, 3: 506]. В пользу этого говорит, наконец, то, что в русском языке более позднего времени (XVI—XVII вв.) в качестве присвязочного имени безраздельно господствует краткое прилагательное или причастие, а существительное если и встречается, то форма Тв. п. у него отсутствует.

Наконец, не все из приведенных Камышевой примеров являются достаточно убедительными случаями связочного употребления глагола *стать*: во втором примере (***сташа*** *днье* ***зли***) речь идет, по-видимому, об употреблении глагола *стать* не в качестве связки двусоставного предложения, а в значении ‘настать, наступить, начаться’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 25].

Вторая точка зрения связывает развитие связочного употребления глагола *стать* с историей конструкции «*стать* + инфинитив». Как отмечает Л. П. Демиденко, широкое распространение сочетания «*стать* + инфинитив» в качестве синонима сочетания «*начать* + инфинитив» наблюдается не ранее второй половины XVI в., причем главным образом в произведениях деловой письменности и в произведениях, отражающих народно-разговорную речь. В текстах, ориентирующихся на письменно-книжную традицию, они встречаются редко или вообще не встречаются. В XVII в. происходит дальнейшее распространение сочетания «*стать* + инфинитив» за счет «*начать* + инфинитив», вместе с тем его явно избегают в произве-

дениях религиозного характера. Наоборот, в произведениях, ориентирующихся на народно-разговорный язык, в сочетании с инфинитивом глагол *стать* употребляется чаще, чем глагол *начать* (в некоторых произведениях сочетание с *начать* полностью отсутствует).

Распространение сочетания «*стать* + инфинитив» сопровождалось расширением его функций. Важным следствием развития у глагола *стать* абстрактного значения явилась возможность его употребления с XVII в. в конструкциях с неодушевленным субъектом: «… *саван* **шевелитца стал**, устрашая меня» [Ж. Авв.], а также в безличных предложениях: «**Стало** у меня в те поры *кости-те* **щемить** и *жилы-те* **тянуть**, и сердце зашлось, да и умирать сталъ» [Там же]. Расширение сочетаемости глагола *стать* приводит к возможности образования сочетания с инфинитивом *быть*: «… меж нами пря велика **стала быть**» [Ж. Авв.]. Такие сочетания были возможны и в составном именном сказуемом — их достаточно много отмечается в языке И. Посошкова: «**Плох** де лов **стал быть** рыбе» [Пос., Кн. о скуд. и богат.]. Именно в рамках составного именного сказуемого образовалось вводное сочетание *стало быть*: происходило это в конструкциях с подлежащим, выраженным местоимением *то*; например: «И *то* **стало быть** худой суд, и того ради надлежит всячески потщатися о правом суде…» ([Демиденко 1963: 26—32]; примеры взяты из указанной статьи).

Таким образом, согласно второй точке зрения, связочное употребление глагола *стать* является, во-первых, поздним явлением (не ранее конца XVI в.) и, во-вторых, является результатом развития приинфинитивного употребления глагола *стать* в конструкциях со значением начинательности[5]. Этой точке зрения противоречат языковые факты: памятники письменности показывают широкое приименное употребление глагола *стать* в русском языке XVI в. Например:

> *… и, роспоровъ то платно и загнутое отправит, опять платно* ***хорошо станет****…* [Дом., 110]; *Нынѣ же конечне хощеши* ***противен стати*** *богу своим гнилымъ буйствомъ…* [Пов. о новг. бел. кл., 218]; *А как возьмутъ християнѣ из рукъ его* [патриарха] *свещи, и в християнъских руках* [благодатный огонь] ***станетъ какъ и протчии огни****, — все от него горитъ* [Хожд. В. Позд.]; *… а как учали торговати большими своими товары, и промыслы их* ***стали велики****; и государь наш велел с них имать своее пошлины половину…* [Ст. сп. Писем., 144]; *И на тотъ камень возъѣха Господь нашь и позна камень Создателя своего, и* ***ста*** *камень под жребцомъ* ***мякокъ****, аки воскъ* [Хожд. В. Позд.]; *И егда исполнится 40 дней, то об одну нощь тѣло его земля будетъ, а кости* ***наги станут*** [Там же].

---

[5] По мнению А. М. Молдована, наоборот, употребление *стать* в составе составного именного сказуемого послужило «основанием для развития приинфинитивного употребления связки *стать*» [Молдован 2010: 6].

Примеры употребления глагола *стать* в сочетании с конструкцией «*быть* + предикативное имя» были очень редки. Они встречаются в языке конца XVI в. (более ранние примеры нам не встретились) и являются, видимо, результатом контаминации приименного и приинфинитивного употребления глагола *стать*:

… как деи яз ***стал быти в пашах****, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было…* [Ст. сп. Новос., 72]; *... а* ***стал*** *деи о том Крымской* ***быти в*** *великой* ***кручине****, что государь мимо его послал к Турскому…* [Там же, 71]; *... и Турской деи тому* ***стал быти весел*** [Там же, 83].

Аналогичную картину связочного употребления глагола *стать* можно видеть в языке XVII в.: в подавляющем большинстве случаев он употребляется в сочетании с предикативным именем, например:

В те поры отчаяли уже мы весь животъ свой и в Азове городе и о выручке своей ***безнадежны стали*** *от человек, толко себе и чая помощи от вышняго бога* [Пов. об Азов. сид., 150]; *... и тогда бы тело мое* ***чисто стало****, аки ихъ младенческое* [Пов. о семи мудр., 258]; *И пришед Дружневна к реке и умылась чернаго зелья и* ***стала черна****, что уголь* [Пов. о Бове, 296]; *И* ***стал*** *царь Далматъ* ***кручиноват****…* [Пов. о Ер. Лаз., 312]; *И тут Рохлей* ***жив сталъ****, и с Еруслономъ поцеловались, и назвали другъ друга братомъ* [Там же, 317]; *И цари тому* ***ради сташа****, что надѣютца на мочъ своихъ воинов, приказали сходитися на мѣсто* [Сказ. о ц. Вас. Конст., 444]; *Царь Салтанъ Салтановичь* ***стал*** *велми* ***яростенъ****, аки зверь…* [Там же, 444]; *И от тех местъ* ***сталъ*** *царь* ***милостив*** *и* ***правосуден****, и лготу сталъ давать, и дани поубавил, и опять* ***стало*** *все* ***жило****…* [Пов. о раз. чел., 486].

Примеры сочетания глагола *стать* с конструкцией «*быть* + предикативное имя» встречаются гораздо реже; достаточно много таких примеров встретилось в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова (начало XVIII в.): *И тот суд* ***далек стал быть*** *и* ***труден****…* [Пос., Кн. о скуд. и богат., 53]; *И от мала даже и до велика все* ***стали быть поползновенны****…* [Там же, 93]; *И таковое начертание* ***стало быть*** *образу святому* ***поругание*** [Там же, 145]; *... и которой крестьянин* ***станет*** *мало* ***посытее быть****, то на него и подати прибавит* [Там же, 177]; *... и по такому их озорничеству* ***стали*** *они* ***быть*** *государю своему* ***противники****, а не* ***слуги*** [Там же, 221]; *И от тоя свободности питейные сборы весьма* ***стали быть плохи*** [Там же, 229] и пр.[6] Изредка такие примеры встречаются и в середине XVIII в., например: *… с Илидарою навек я уж разлучился / И в последние*

[6] Ср., впрочем, единичные случаи без «быть» у Посошкова: *И то* ***стала*** *самая явная ворам и ябедникам* ***потачька*** [Пос., Кн. о скуд. и богат., 105]; *И сие* ***стало*** *не [ве]сьма* ***добро****, что так деется…* [Там же, 26].

тогда весь в слезах простился; / ***Отнят стал быть*** *от нее чрез страны́ далеки,* / *И неверные моря, купно многи ре́ки…* [Тред., Нов. и кр. сп., 397]; ***Стал*** *Коршун* ***быть Павлин****, / В его он перьях был великий господин* [Сум., Коршун, 211]. В начале XIX в. такое употребление прекращается.

Представленные точки зрения на происхождение связки *стать* заслуживают внимания, однако они не могут удовлетворительно объяснить некоторые особенности семантики связки *стать* в старорусский период и связанные с этим особенности его сочетаемости. Прежде чем мы перейдем к изложению нашей точки зрения, вернемся к вопросу о начале связочного употребления глагола *стать*, поскольку этот вопрос связан с вопросом о причине появления этой связки и механизме формирования связочного значения.

Возникновение фазовой связки *стать* относится, по-видимому, к праславянскому периоду, на что указывает ее употребление в различных славянских языках. К сожалению, судить о времени ее возникновения более определенно не представляется возможным из-за ее слабой фиксации в письменных памятниках. Говоря о слабой письменной фиксации древнерусскими текстами глагола *стать* в прииннфинитивном употреблении, А. М. Молдован отмечает: «Ясно лишь, что решающим в данном случае было воздействие книжного узуса, в разные исторические периоды допускавшего в этих конструкциях одни связочные глаголы и не допускавшего другие» [Молдован 2010: 12]. В случае с прииименным употреблением глагола *стать* ситуация осложнялась отсутствием стилистически нейтральной синонимичной связки с фазисным значением.

Длительное время это значение выражал аорист глагола *быть*. Способность аориста глагола *быть* выражать значение приобретения признака восходит, по мнению исследователей, к глубокой древности и обусловлена этимологией этого глагола: его разные формы восходили к двум корням **es-* и **bhu-*, из которых первый обозначал ‘бытие в покое’, а второй — ‘бытие в становлении’. От второго корня, имевшего первоначально значение ‘расти, возрастать, возникать’, образованы формы глагола *быть* с корнями *бы-* / *буд-*, в том числе и формы аориста [Потебня 1958: 132—134; Бондаренко 2002: 40]. Такое употребление аориста глагола *быть* сохранилось в письменных текстах до конца XVII — начала XVIII в. Например:

> *Тут опять Брунцвик* ***в*** *великой* ***печали бысть****, понеже бо тот драк начал его жечи, а з другой стороны начал боятися лва…* [Пов. о Брунц., 378]; *И увиде Бова в углу в темнице меч-кладенецъ и взя Бова меч-кладенецъ,* ***бысть*** *Бова* ***радощен*** [Пов. о Бове, 288]; *Услышав же от Александра слово се, Лодвикъ аки от сна возбудився, и воста, и* ***здрав бысть*** [Пов. о семи мудр., 243]; *И в томъ часѣ скоро* ***бысть*** *Александръ* ***здравъ*** *и* ***чистъ*** *весь тѣломъ своим, яко бы и никогда болѣлъ есть* [Там же, 258] и т. д.

В разговорной речи эта форма не могла оставаться способом выражения фазового значения в составном именном сказуемом в связи с выходом

аориста из употребления. Таким образом, расширению связочного употребления глагола *стать* способствовали не только стилистические факторы, влияние переводческой деятельности, «в частности переводы с польского языка, сближавшие русский письменный узус с разговорным языком» [Молдован 2010: 13], но и семантические — необходимость выражать значение начинательности в составном именном сказуемом. На протяжении многих веков язык предлагал разнообразные способы выражения начинательности, но практически ни один из них так и не вышел за пределы письменной речи.

Самым вероятным кажется возникновение связочного употребления глагола *стать* на основе значения ‘явиться, предстать’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 23]. Это значение, развившееся из значения ‘расположиться, остановиться где-л.’, содержит указание на фигуру наблюдателя, то есть содержит в своей семантике эмергенциальный смысловой компонент (значение обнаружения, выявления), сближающий его со связочными глаголами типа *оказаться*. Эта версия позволяет удовлетворительно объяснить длительное сохранение у фазисной связки *стать* модального значения обнаружения, которое было утрачено ею лишь к XIX в., и особенности сочетаемости, нетипичные для других фазисных связок.

Наиболее близкой оказывается аналогия с современным связочным глаголом *выйти*, который также развил фазисное значение на основе исходного значения движения; фазисное значение, как у связки *стать* в древности, осложнено модальным значением обнаружения. Первые случаи связочного употребления глагола *выйти* относятся к XVIII в. По-видимому, в обоих случаях произошел метонимический сдвиг в семантике глаголов движения: результат движения предмета переосмыслялся как его возникновение, появление в перцептивном поле наблюдателя[7]. Вполне возможно, что семантика глагола *стать* не отличалась от семантики глагола *статься*. В современном русском языке глагол *статься* имеет значение ‘произойти, случиться, сделаться’ и характеризуется разговорной окраской [БАС, 14: 801—802]. Широкое распространение этого глагола происходит в старорусский период, когда он употребляется в двух главных значени-

[7] Этот путь развития связочного значения у глаголов *стать* и *выйти* не является чем-то исключительным. Так, в испанском языке фазисное связочное значение развилось у глагола *ponerse* на основе исходного значения ‘расположиться, устроиться, встать, сесть, лечь, усесться, улечься, растянуться’. Подобно глаголу *стать* в древности, глагол *ponerse* сочетается главным образом с прилагательным и может использоваться в сочетании с инфинитивом для выражения начала действия (*ponerse a + inf.*). В романских языках глаголы *salir* (исп.), *sortir* (франц., катал.) с исходным значением ‘выходить, выезжать’ развили связочное значение ‘оказаться, получиться, сделаться’. Подобно связочному глаголу *выйти* в русском языке, эти глаголы в связочном употреблении сохраняют разговорную или просторечную окраску. О связочном употреблении глагола *выйти* в русском языке см. [Апресян 1995: 485—502].

ях — ‘случиться, произойти, совершиться’ и ‘оказаться, обнаружиться’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 28—29], то есть в фазовом и эмергенциальном. Параллельное сосуществование глаголов *стать* и *статься* напоминает аналогичную ситуацию с глаголами того же корня *остать* и *остаться*. Однако результаты сосуществования этих двух пар глаголов оказались противоположными: в одном случае конкурентную борьбу выиграл невозвратный глагол (*стать*), а другом случае — возвратный (*остаться*). В словарях не фиксируется связочное употребление глагола *статься*, но, судя по более поздним письменным памятникам, такое употребление было возможно. Например, в произведениях А. Кантемира встречаются подобные случаи:

> *Вначале сделался он [Тимаген] поваром, потом в носилках людей нашивал и напоследок* ***стался витием*** [Кант., Перев. Горац., 508]; *Скупой или притворной доброты человек изменил добродетели, как малодушной воин ружье свое положил и сдался неприятелю, уже* ***стался полоненик*** [Там же, 484].

Предложенная гипотеза происхождения связочного употребления глагола *стать* позволяет дать удовлетворительное объяснение целому ряду особенностей его сочетаемости как в старорусский период, так в современном русском языке. Для употребления *стать* в качестве связки в XVI—XVII вв. и отчасти в XVIII в. характерна сочетаемость с предложно-падежными формами существительного. Первые случаи такого употребления относятся к XV в., глагол *стать* в этом случае реализует значение ‘оказаться (в каком-л. состоянии, положении)’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 24]. Например:

> *И Аннушка* ***стала в*** *великом* ***страхе*** [Пов. о Фр. Скоб., 57]; *И Аннушка на то* ***стала в радости*** *великой…* [Там же, 58]; *Како таковая великая и преславная земля во всѣхъ земляхъ* ***стала в разорении****, и такое Великое царство в запустѣнии, и таковая великая царьская ризница* ***в расточении****!* [Нов. пов. о пресл. Росс. цар., 176]; *И рече ей кралевичь Василий: «Виждь, страдница, како мне твои безумныя слова* ***стали за досаду****…»* [Пов. о Вас. Злат., 402]; *… а царь Соломан* ***сталъ в*** *велицей* ***славе*** *и высокъ* [Пов. о ц. Сол., 461]; *Он, де, мнѣ не умел росказати, а мне то* ***стало за кручину*** [Пов. о раз. чел., 485]; *…и та церковь* ***стала в забытии*** *до сѣхъ мѣстъ* [Ж. Дион., 414].

Подобная сочетаемость в целом не характерна для фазисных связок со значением возникновения признака (*сотвориться, учиниться, сделаться*), зато типична для связочных глаголов с эмергенциальным значением, например: *Аз же, яко от сна убудихся, и* ***обрѣтохся*** *вмѣсто печали* ***в*** *великой* ***радости****, и прославих Христа и богородицу-свѣта* [Ж. Епиф., 316]; *А буде кто* ***в*** *таковой же* ***вине явится*** *впредь, то чинить ему указ уложенный* [Пос., Кн. о скуд. и богат., 66]; *В то-то время мы* ***найдемся в состоянии*** *принести наичистейшую и горящую жертву благодарности Всевысочай-*

шему Существу, нас создавшему… (Золотницкий, Доказательство бессмертия души человеческой… [НКРЯ]); *Посчитаться не трудно, кто у кого* ***окажется в долгу*** (Данилевский, Россия и Европа [НКРЯ]). Уход из употребления предложно-падежных форм существительного в конструкциях со связкой *стать* в XVIII в. был связан с постепенной утратой этой связкой модального значения обнаружения. По-видимому, с этим же значением глагола *стать* связано значение ‘обойтись в какую-л. сумму, стоить’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 26][8], которое сохранилось и в современном русском языке [БАС, 14: 798].

Наличие в течение длительного времени в значении связки *стать* эмергенциального оттенка объясняет и ее способность сочетаться с причастиями страдательного залога вплоть до конца XVIII в.:

> *Сего деи эрль Эксетцкому суд был, и судили деи его вотчинные большие двадцать четыре князи; и по суду деи Эксетцкой* ***стал виноват*** *и* ***осужден*** *на смерть* [Ст. сп. Микул., 180—181]; *Как скоро я в нее вступил, то отверстие ее тотчас затворилось, и я* ***стал окружен*** *и* ***покрыт*** *землею, и вселилось в меня превеликое отчаяние…* [Чул., Пересм., 134]; *Тогда малым числом все* ***объято стало****; оно овладело вселенною, и человеческий род* ***стал лишен*** *наследия* (Фонвизин, Слово похвальное Марку Аврелию [НКРЯ]); *Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества* ***уязвленна стала*** (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву [НКРЯ]); *Роды дворянския* ***стали разделены*** *по службе так, что иной однородцов своих и век не увидит* (Щербатов, О повреждении нравов в России [НКРЯ]).

Ср. подобное употребление связочных глаголов со значением обнаружения: *А буде в пересмотре* ***явится*** *кто в роспись* ***не вписан****, то кто его посадил без записки, надлежит жестоко наказать, дабы впредь так не делали* [Пос., Кн. о скуд. и богат., 58—59]; *Говорили на другой день, что меховая шапка некоего Абдула Сабитуллина* ***оказалась простреленною*** *дробинами и что только густо вышитая тюбетейка спасла его лысую голову* (Короленко, Марусина заимка [НКРЯ]).

Особенность семантики глагола *стать* позволяет объяснить его употребление и в целом ряде других конструкций, не имеющих отношения к составному именному сказуемому. Так, особенностью употребления глагола *стать* в фазовом значении в XVII — начале XVIII в. является способность выступать в качестве самостоятельного сказуемого в сочетании с существительными процессуальной семантики. Например: *Уже у нас* ***стала*** *стрелба из града осаднаго…* [Пов. об Азов. сид., 147]; *От пушекъ их страшный громъ* ***сталъ****…* [Там же, 149]; *И ту нощъ немного отошли, и на*

---

[8] Ср. аналогичное употребление с глаголом *обрестись*: *Купилъ… мерин сѣръ, грива направо, обрѣлась цена три рубли*. Там. кн. Тихв. м., № 1326, 20. 1662 г. [СлРЯ XI—XVII, 12: 151].

зоре ***сталъ*** *вѣтръ великъ* [Хожд. Л., 109]; *Потомъ доведался митрополит, что* ***стала*** *из города измена, да в церкви и проклял ихъ, тѣхъ изменниковъ, и род ихъ* [Там же, 69]; *А когда мы под тѣмъ городом стояли, и в те поры на одном корабле моръ* ***сталъ*** [Там же, 112].

В этом случае реализуются значения ‘возникнуть, появиться, создаться’, ‘настать, наступить, начаться’ или ‘произойти, случиться’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 25]. Аналогичное употребление характерно и для глаголов обнаружения:

> *Какая перемена пришествием всем Христовым в науках* ***явилась****?* [Тат., Разг. дву прият., 76]; *… мрачность и влага вся исчезла, и на место их* ***явились*** *свет и сухость, стены уподобились белизною ярине, а на место тусклой лампады отворились окна, получающие свет с земной поверхности* [Чул., Пересм., 284]; *Скоро* ***оказались*** *тлетворные следствия его присутствия* (Бестужев-Марлинский, Страшное гаданье [НКРЯ]).

В словарях это значение описывается как ‘обнаруживаться, выступать, проступать’ [БАС, 17: 2029] или ‘давать себя знать, обнаруживаться, сказываться’ [БАС, 8: 767]. Думается, что во всех этих случаях, включая и употребление глагола *стать*, реализуется значение ‘оказаться (иметься) в наличии’. Это значение может реализовываться не только в двусоставном, но и в безлично-отрицательном предложении, например:

> *Хлѣбу* ***не обрѣстися****, инѣх же потребнихъ муки и соли… что и глаголати* (Ж. Ант. С. ц., 51. 1579) [СлРЯ XI—XVII, 12: 152]; *А за тѣмъ имянем то столовое мѣсто на оброка, и того въ приходной книге* ***не нашлось*** (Калуж. а., 36. 1652 г.) [СлРЯ XI—XVII, 10: 108]; *И кроме того своего пошпорта* ***не явилось****, и видя, что иной вины никакой нет, то бросили его в тюрьму* [Пос., Кн. о скуд. и богат., 111]; *Уфимского уезда татарин привез ныне землю синюю вместо руды, ис которой по пр[обам ни]какой металли* ***не явилось****…* [Тат., Дон. Анне Иоанн., 197]; *… наконец, при вскрытии трупов людей, об отравлении которых существовали сильнейшие подозрения,* ***не оказалось*** *и тени отравления, а обнаружились только известные и обыкновенные признаки обыкновенных болезней* (Одоевский, Импровизатор [НКРЯ]).

Безличное употребление глагола *стать* в современном русском языке имеет, по-видимому, ту же природу. Например: *И отплыли от Родоса верстъ з десять, а ветру и* ***не стало*** [Хожд. Л., 64]; *И какъ Карлова рода* ***не стало****, избранъ на цѣсарство фрянкольский князь Кондратъ* (Козм., 40. 1670 г.) [СлРЯ XI—XVII, 28: 25].

Для глагола *стать*, как и для связочных глаголов со значением обнаружения, типичным является употребление в составе безличного предложения в сочетании со словами категории состояния (предикативными наречиями). Например:

Услыша князь Петр жалостныя слова кралевны Магилены и вельми ***жалостно*** *ему* ***стало****, и показалось ему, что сердце его от жалости распалилось, и реклъ к ней…* [Пов. о П. Злат. ключ., 345]; *Уже гораздо* ***поздно стало****, азъ же зѣло пьянъ и не могу до двора своего доити, боюсь, дабы мнѣ не розбити гусли* [Пов. о Вас. Злат., 395]; *… а в кѣлейце моей* ***стало свѣтло*** *в полунощи* [Ж. Епиф., 314]; *Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным,* ***легче стало*** [Ж. Авв., 34]; *И мне ево* ***стало жаль*** [Там же, 37].

По нашим подсчетам, в XVII в. безличное употребление связки *стать* составляет 22% относительно общего числа связочных конструкций с ней. К безличному употреблению примыкают такие случаи, как *Вопрошающу же ему опаснѣе игумению,* ***прилично стало*** *игумении и о Феодорѣ* ***воспомянути*** [Пов. о б. Мороз., 469], а также *Помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемого времени избавишь,* ***нечева*** *мне* ***стало делать****: яко червь исчезаю»* [Ж. Авв, 74].

Ср. с подобным употреблением глагола *оказаться* (все примеры из [НКРЯ]): *И* ***оказалось ясно****, какого рода созданье человек…* (Гоголь, Мертвые души); *Сколько раз достаточная глубина заманит на такую дорожку, что и выхода нет: дальше* ***окажется мелко****, надо сворачивать* (Гончаров, Фрегат «Паллада»); *Как только* ***оказалось возможным****, Нежданов отправился к себе в комнату и заперся* (Тургенев, Новь); *От нее перенимать мне труднее: насчет аглицкого языка совсем* ***оказалось неудобно*** (Эртель, Гарденины, их дворня, приверженцы и враги); *Да,* ***трудно оказалось*** *венскому инструменту победить хохлацкую дудку* (Короленко, Слепой музыкант).

По аналогии со связкой *стать* с конца XVIII в. безличное употребление развивается у связки *сделаться.* В XVII — первой половине XVIII в. встречается сочетание *сделалось ведомо*, однако такое употребление было идиоматичным и развилось, по-видимому, под влиянием аналогичного сочетания с глаголом *учиниться*.

Таким образом, целый ряд особенностей сочетаемости глагола *стать* в современном русском языке и в его истории получает удовлетворительное объяснение, если принять во внимание эмергенциальный оттенок этого глагола в начале процесса его грамматикализации. По-видимому, и отмечаемая исследователями особенность глагола *стать* в инфинитивных конструкциях называть не начальную фазу действия (в отличие от *начать*), а сам факт возникновения ситуации, ранее не имевшей места, восходит к этому же эмергенциальному оттенку глагола *стать*[9].

В связи с приинфинитивным употреблением глагола *стать* еще раз вернемся к конструкциям, промежуточным между приинфинитивным и приименным употреблением *стать*, типа *Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего* ***стала быть в употреблении****,*

[9] Аналогичный оттенок имеет конструкция *ponerse a* + inf. в испанском языке.

первых своих королей прежде рождества Христова начинают, описывая их домашние дела и походы [Лом., Др. росс. ист., 214].

На развитие подобных конструкций, которые применительно к XVIII—XIX вв. иногда оцениваются как синтаксический галлицизм [Шведова 1964: 116—118], вполне могло повлиять развитие у глагола *стать* приинфинитивного употребления и влияние со стороны синонимичных конструкций с глаголом *начать* или *учать*. Например:

> *Егда убо жена зача въ чревѣ, и* ***нача готова*** *ей* ***быти****...* [Пов. о ц. Дин., 42]; *... и [Шигалей]* ***нача*** *у них* ***быти царем*** *на Казани, и царицу хотѣ поняти* [Каз. ист., 408]; *И [Иван IV]* ***кротокъ****, и* ***смиренъ быти нача****, и* ***праведенъ*** *в судѣ, и* ***неуклоненъ****...* (там же, 360); *И королевна* ***учала быть весела****...* [Ст. сп. Писем., 116]; *Он же, оставаяйся, начал слушати, звук же и гром* ***начат болши быти*** [Пов. о Брунц., 377]; *И не даша ему кралевны, он же* ***начат быти смущен****...* [Там же, 387].

Однако возможно и иное объяснение: такие конструкции могли быть вызваны оттенком обнаружения в семантике глагола *стать*, что сближало его сочетаемость с модальными связками. Для модальных связок со значением мнимости и обнаружения употребление в сочетании с конструкцией «*быть* + предикативное имя» в древнерусский и старорусский период было вполне обычным явлением. Например:

> *Нынѣ же врази животу — мраз, студен снѣгъ и дымъ разумъ смущають, перъсты стѣсняють, очи слезити понуждають, чернило мрънзнеть, харатью сажею опорочают, коя вся писцу* ***спротивна быти видятся*** [Карп., Посл. митр. Дан., 514]; *И [казанцы]* ***мнящеся быти мудры****, и объюродѣвша, ослепи бо их злоба и лукавство их* [Каз. ист., 504]; *Сей убо благочестивый самодержецъ праведный и досточюдный и крестоносный царь и великий князь Федоръ Ивановичь всеа Русии ... не токмо единыя Росийския богохранимыя державы, но всея подсолнечныя* ***пречестнѣйши быти явися*** [Пов. о жит. ц. Фед. Ив., 56]; *Таковое младых человек житие* ***кажется быти стужительное*** *и заключению пленническому* ***подобное*** (Регламент или устав духовной коллегии [НКРЯ]); *Полученную от Вас Гисторию или прожект о ассирийской царице Семирамисе ея высочество изволила прочесть и* ***довольна быть явилась****...* [Тат., П. Шум., 140].

В пользу такого решения этого вопроса склоняет наличие в русском языке вводного оборота *стало быть*, который возник, судя по всему, в составе подобных конструкций и в современном русском языке употребляется в значении ‘следовательно, таким образом’ [БАС, 14: 799]; например: *Это,* ***стало быть****, не весело именины празднованы, а скучно* (Львов, Роза и Любим [НКРЯ]). Развитие вводной функции — типичная черта модальных связок [Руднев 2011]. Параллельно вводному обороту *стало быть* в русском языке XVIII—XIX вв. употреблялось в качестве вводного слово *стало*:

[Здравомысл:] Когда в российских городах заводят университеты, то, ***стало****, намерение есть готовить к службе людей просвещенных* [Фонв., Стародум, 557]; ***Стало****, я это заслужил, так я и накажу себя — кто презрен, тому возвращает право на почтение единая смерть* (Клушин, Несчастный М-в [НКРЯ]); *Пустая отговорка: если хочу,* ***стало****, не скучно* (Титов, Уединенный домик на Васильевском [НКРЯ]); ***Стало****, вы портные?* (Григорович, Антон-горемыка [НКРЯ]); *Они, говорят, потом в департаменте спрашивали-с: там не знают,* ***стало****, дела не служебные-с* (Тургенев, Холостяк [НКРЯ]).

Не вполне понятно, в каких отношениях находились между собой вводные единицы *стало* и *стало быть*. Возможно, *стало* является результатом компрессии оборота *стало быть*, что в целом присуще вводным оборотам, однако возможно и то, что *стало* и *стало быть* образовались параллельно и сосуществовали на протяжении нескольких веков. В пользу последнего свидетельствует отмечаемый словарями просторечный оттенок вводного слова *стало* [Сл. Ушакова, 4: 497; СРЯ, 4: 255], которого лишено вводное сочетание *стало быть*.

В конце нашей статьи еще раз вернемся к связочному употреблению глагола *стать* в современном русском языке. Длительное сохранение в семантике фазисной связки *стать* эмергенциального оттенка и стилистическая ограниченность ее употребления разговорной сферой способствовали возникновению в составном именном сказуемом связочных глаголов, которые выражали фазисное значение в более «чистом» виде и были лишены оттенка разговорности. Основой для формирования таких связок были глаголы со значением созидания — *(со)творить*, *(у)чинить*, *деять*. С 1730—1740-х гг. на основе этой модели начинается распространение связочного глагола *делаться—сделаться*[10]. Особенно широкое распространение получила форма *сделаться*: судя по данным НКРЯ, в первой половине XIX в. она употреблялась в 2 раза чаще, чем связка *стать*. Связка *делаться* не получила такого распространения и даже в первой половине XIX в. употреблялась в 2,5 раза реже, чем связка *становиться* (и в 6 раз реже, чем связка *сделаться*). К концу XIX в. связка *стать* занимает доминирующие позиции в составном именном сказуемом, значительно потеснив связку *сделаться* (в последнее десятилетие XIX в. связка *стать* употреблялась в 2 раза чаще, чем *сделаться*; связка *становиться* — в 3,5 раза чаще, чем *делаться*). Эти данные свидетельствуют о том, что связка

[10] Первые случаи связочного употребления глагола *(с)делаться* встретились в переводном памятнике второй половины XVI в. «Назирателе»: *… и* ***нерадостны дѣлаются*** *сего ради смущени и врежени мокроты ихъ…* (л. 4 об.); *… таковаꙗ нива бывает и* ***дѣлается*** *песчана* ***солена*** *и* ***дика*** *…* (л. 109). Близкое к связочному употребление встретилось и в некоторых других текстах, например: *… а в Помѣсномъ приказе* ***худенка дѣлаетца*** *потому подячие за роботу хотят…* [Пам. рус. яз. XVII ст., 37].

стать во второй половине XIX в. прошла процесс стилистической нейтрализации.

Однако даже в XVIII и XIX вв. можно отметить некоторые особенности в сочетаемости связки *стать*, обязанные, как представляется, ее былой связи с эмергенциальными связками. Так, согласно данным Национального корпуса русского языка связка *стать* на всем протяжении этого времени преимущественно сочеталась с адъективами, а связка *сделаться* — с субстантивами. Это можно видеть из двух таблиц, которые приведены в *Приложении*. Если проанализировать сочетаемость связки *стать* в XVII в., то можно увидеть много общего с более поздними данными. Подавляющее большинство примеров употребления связочного глагола *стать* в XVII в. обнаруживает использование в качестве присвязочной части краткого прилагательного: оно составляет 58% от числа всех способов выражения присвязочной части в двусоставном предложении. Имя существительное в позиции именной части сказуемого почти не встречается, а если и употребляется, то в Им. п.; например: *И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил, — что ныне архиепископ резанской,* ***мучитель стал*** *христианской* [Ж. Авв., 66].

Особенности значения и связанные с этим особенности употребления были характерны только для *стать*: форма *становиться* не имела эмергенциального оттенка, поскольку глаголы обнаружения относятся к числу моментальных глаголов, употребляемых преимущественно или исключительно в форме совершенного вида. Распространение связочного употребления *становиться* происходит значительно позже, чем *стать*, и, возможно, было обусловлено усилением у формы *стать* фазисного значения и ослаблением значения обнаружения. Эмергенциальное значение *стать* всегда характеризовалось разговорным оттенком, неся печать той среды, в которой оно сформировалось. Отсутствие этого значения у формы *становиться* объясняет не только ее более ограниченные сочетательные возможности (невозможность употребляться в целом ряде конструкций и в частности в сочетании с инфинитивом, где возможна лишь форма *стать*), но и отсутствие разговорного оттенка при связочном употреблении. Стилистическая нейтральность предопределила доминирование связки *становиться* над связкой *делаться* на протяжении всего периода их сосуществования.

Приложение[11]

Таблица 1

Сочетаемость связки *стать* в XVIII—XIX вв.

Стать			
	XVIII в.	1800—1850 гг.	1890-е гг.
существительное			
Тв. п.	18,5%	18,5%	27,5%
Им. п.	9%	2,5%	менее 1%
Предл.-пад. формы	7%	1,5%	менее 1%
прилагательное			
Краткая форма	37,5%	20%	14%
Компаратив	9,5%	15%	12,5%
Полная форма в Тв. п.	5%	5,5%	14,5%
Полная форма в Им. п.	3%	2%	4%
Слова категории состояния	6,5%	26,5%	21%
Слова категории состояния в сравн. степ.	1,5%	6,5%	4%
Прочее	2,5%	3%	1%

Таблица 2

Сочетаемость связки *сделаться* в XVIII—XIX вв.

Сделаться			
	XVIII в.	1800—1850 гг.	1890-е гг.
существительное			
Тв. п.	48,5%	47%	53%
Им. п.	1,5%	1%	менее 1%
Предл.-пад. формы	1%	менее 1%	менее 1%
прилагательное			
Краткая форма	14,5%	13,5%	5,5%
Компаратив	5%	9%	6%
Полная форма в Тв. п.	24,5%	18,5%	20,5%
Полная форма в Им. п.	нет	2%	2%
Слова категории состояния	2%	6,5%	11,5%
Слова категории состояния в сравн. степ.	менее 1%	1%	1%
Прочее	1%	1,5%	1,5%

[11] Подсчеты проведены на основе сплошной выборки примеров из Национального корпуса русского языка. Если пример извлечен из текста, который не имеет точной датировки и может быть отнесен к двум выборкам, то он учитывался в обеих выборках. При подсчете учитывались все формы связки (личные и атрибутивные); число извлеченных примеров из трех выборок (XVIII в. / 1800—1850 гг. / 1890-е гг.) составило: для связки *стать* — 746 / 1292 / 2634, для связки *сделаться* — 481 / 2761 / 1509.

Литература

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.

Бондаренко 2002 — О. В. Бондаренко. Функционирование древнерусского глагола БЫТИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2002. Вып. 2. С. 38—41.

Грудева, Кузьмина 2009 — Е. В. Грудева, Ю. Ю. Кузьмина. Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3. С. 36—43.

Демиденко 1963 — Л. П. Демиденко. Грамматическая и семантическая эволюция словосочетания типа «начать + инфинитив» и «стать + инфинитив» в русском языке // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. XXV. Вып. 1. С. 18—46.

Камышева 1994 — С. Ю. Камышева. Формирование семантической структуры модуляционно-связочных глаголов в древнерусском языке. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 1994.

Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5—17.

Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

Попова 2013 — Л. В. Попова. Связка в грамматической системе русского языка. Автореф. дисс. … докт. филол. наук. Архангельск, 2013.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.

Руднев 2011 — Д. В. Руднев. Модальные глаголы-связки и их роль в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2011. Вып. 1. С. 128—133.

Сл. Срезневского — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Сл. Ушакова — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28—. М., 1975—2008—.

СРЯ — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1—4. М., 1981—1984.

Шведова 1964 — Н. Ю. Шведова. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. // Раздел «Изменения в системе простого предложения». М., 1964. С. 20—368.

Источники

Дом. — Домострой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 70—173.

Ж. Авв. — Житие протопопа Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 351—454.

Ж. Дион. — Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. 356—463.

Ж. Епиф. — Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 310—336.

Каз. ист. — Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 300—565.

Кант., Перев. Горац. — А. Д. Кантемир. Письма Квинция Горациа Флакка // А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах. СПб., 1867. С. 384—559.

Карп., Посл. митр. Дан. — Ф. Карпов. Послание митрополиту Даниилу // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 504—519.

Назиратель — Назиратель. М., 1973.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Лом., Др. росс. ист. — М. В. Ломоносов. Древняя российская история // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. М.; Л., 1950—1983. С. 163—286.

Нов. пов. о пресл. Росс. цар. — Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 150—179.

Пам. рус. яз. XVII ст. — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

Пов. о б. Мороз. — Повесть о боярыне Морозовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 455—484.

Пов. о Бове — Повесть о Бове королевиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М.,1988. С. 275—300.

Пов. о Брунц. — Повесть о Брунцвике // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М.,1988. С. 374—388.

Пов. о Вас. Злат. — Повесть о Василии Златовласом // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М.,1988. С. 389—406.

Пов. о Ер. Лаз. — Повесть о Еруслане Лазаревиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 301—322.

Пов. о жит. ц. Фед. Ив. — Повесть о житии царя Федора Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 54—103.

Пов. о новг. бел. кл. — Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 198—233.

Пов. о П. Злат. ключ. — Повесть о Петре Златых ключей // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 323—373.

Пов. о раз. чел. — Повесть о разуме человеческом // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 484—486.

Пов. о семи мудр. — Повесть о семи мудрецах // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 192—266.

Пов. о Фр. Скоб. — Повесть о Фроле Скобееве // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 55—64.

Пов. о ц. Дин. — Повесть о царице Динаре // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 36—47.

Пов. о ц. Сол. — Повесть о рождении и похождениях царя Соломона // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 455—461.

Пов. об Азов. сид. — Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 139—154.

Пос., Кн. о скуд. и богат. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве // И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие произведения. СПб., 2004. С. 11—244.

Сказ. о ц. Вас. Конст. — Сказание о царе Василии Константиновиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 442—447.

Ст. сп. Писем. — Статейный список Ф.А. Писемского (1582—1583) // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 100—155.

Ст. сп. Новос. — Статейный список И. П. Новосильцева (1570) // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 63—99.

Ст. сп. Микул. — Статейный список Г. И. Микулина (1600) // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 156—205.

Сум., Коршун — А. П. Сумароков. Коршун (1760) // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Большая серия библиотеки поэта, вступительная статья, подготовка текста и примечания П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 210 — 211.

Тат., Дон. Анне Иоанн. — В. Н. Татищев. Доношение Анне Ивановне об изготовлении и отпуске медных кружков, строительстве новых заводов, обнаружении богатых залежей железной руды в Верхотурских горах, о переписи раскольников и по другим вопросам (26 июня 1735) // В. Н. Татищев. Записки. Письма. М., 1990. С. 194—197.

Тат., П. Шум. — В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (22 марта 1731) // В. Н. Татищев. Записки. Письма. М., 1990. С. 140.

Тат., Разг. дву прият. — В. Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979. С. 51—132.

Тред., Нов. и кр. сп. — В. К. Тредиаковский. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий (1735) // В. К. Тредиаковский. Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия). М.; Л., 1963. С. 365—420.

Фонв., Стародум — Д. И. Фонвизин. Друг честных людей или Стародум // Русская проза XVIII века. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 540—564.

Чул., Пересм. — М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки // Старинные диковинки: Т. 3. Кн. 2: Волшебно-богатырские повести XVIII века. М., 1992. С. 5—306.

Хожд. В. Позд. — Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. С. 48—93. (http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142).

Хожд. Л. — Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701—1703. М., 2008.

References and sources

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. T. 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva, 1995.

BAS — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1—17. M.; Leningrad, 1950—1965.

Bondarenko 2002 — O. V. Bondarenko. Funkcionirovaniye drevnerusskogo glagola BYTI // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye. 2002. Vyp. 2. S. 38—41.

Chul., Peresm. — M. D. Chulkov. Peresmeshnik, ili Slavenskiye skazki // Starinnyye dikovinki: T. 3. Kn. 2: Volshebno-bogatyrskiye povesti XVIII veka. Moskva, 1992. S. 5—306.

Demidenko 1963 — L. P. Demidenko. Grammaticheskaya i semanticheskaya evolyuciya slovosochetaniya tipa «nachat + infinitiv» i «stat + infinitiv» v russkom yazyke // Uchenyye zapiski Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. T. XXV. Vyp. 1. S. 18—46.

Dom. — Domostroy // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moskva, 1985. S. 70—173.

Fonv., Starodum — D. I. Fonvizin. Drug chestnykh lyudey ili Starodum // Russkaya proza XVIII veka. T. 1. Moskva; Leningrad, 1950. S. 540—564.

Grudeva, Kuzmina 2009 — Ye. V. Grudeva, Yu. Yu. Kuzmina. Fazovyye glagoly v sovremennom russkom yazyke (korpusnoye issledovaniye) // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3. S. 36—43.

Kamysheva 1994 — S. Yu. Kamysheva. Formirovaniye semanticheskoy struktury modulyacionno-svyazochnykh glagolov v drevnerusskom yazyke. Avtoref. diss. … kand. filol. nauk. Volgograd, 1994.

Kant., Perev. Gorac. — A. D. Kantemir. Pisma Kvinciya Goracia Flakka // Kantemir A. D. Sochineniya, pisma i izbrannyye perevody. T. 1. Satiry, melkiye stikhotvoreniya i perevody v stikhakh. St.-Peterburg, 1867. S. 384—559.

Karp., Posl. mitr. Dan. — F. Karpov. Poslaniye mitropolitu Daniilu // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Konec XV — pervaya polovina XVI veka. Moskva, 1984. S. 504—519.

Kaz. ist. — Kazanskaya istoriya // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moskva, 1985. S. 300—565.

Khozhd. L. — Khozhdeniye v Svyatuyu zemlyu moskovskogo svyashchennika Ioanna Lukyanova. 1701—1703. Moskva, 2008.

Khozhd. V. Pozd. — Khozhdeniye na Vostok gostya Vasiliya Poznyakova s tovarishchi // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 10. S. 48—93. (http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142).

Lom., Dr. ross. ist. — M. V. Lomonosov. Drevnyaya rossiyskaya istoriya // M. V. Lomonosov. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 6: Trudy po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. 1747—1765 gg. Moskva; Leningrad, 1950—1983. S. 163—286.

Moldovan 2010 — A. M. Moldovan. K istorii fazovogo glagola stat v russkom yazyke // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. № 1 (19). S. 5—17.

Naziratel — Naziratel. Moskva, 1973.

NKRYA — Nacionalnyy korpus russkogo yazyka. (www.ruscorpora.ru).

Nov. pov. o presl. Ross. car. — Novaya povest o preslavnom Rossiyskom carstve // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 14. St-.Peterburg, 2006. S. 150—179.

Pam. rus. yaz. XVII st. — Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya (Iz fonda A. I. Bezobrazova). Moskva, 1965.

Peshkovskiy 1956 — A. M. Peshkovskiy. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. Izd. 7-e. Moskva, 1956.

Popova 2013 — L. V. Popova. Svyazka v grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka. Avtoref. diss. … dokt. filol. nauk. Arkhangelsk, 2013.

Pos., Kn. o skud. i bogat. — I. T. Pososhkov. Kniga o skudosti i bogatstve // I. T. Pososhkov. Kniga o skudosti i bogatstve i drugiye proizvedeniya. St-.Peterburg, 2004. S. 11—244.

Potebnya 1958 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. I—II. M.: Prosveshcheniye, 1958.

Pov. o b. Moroz. — Povest o boyaryne Morozovoy // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga vtoraya. Moskva, 1989. S. 455—484.

Pov. o Bove — Povest o Bove koroleviche // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 275—300.

Pov. o Brunc. — Povest o Bruncvike // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 374—388.

Pov. o c. Din. — Povest o carice Dinare // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Konec XV — pervaya polovina XVI veka. Moskva, 1984. S. 36—47.

Pov. o c. Sol. — Povest o rozhdenii i pokhozhdeniyakh carya Solomona // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 455—461.

Pov. o Fr. Skob. — Povest o Frole Skobeyeve // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 55—64.

Pov. o novg. bel. kl. — Povest o novgorodskom belom klobuke // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moskva, 1985. S. 198—233.

Pov. o P. Zlat. klyuch. — Povest o Petre Zlatykh klyuchey // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 323—373.

Pov. o raz. chel. — Povest o razume chelovecheskom // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 484—486.

Pov. o semi mudr. — Povest o semi mudrecakh // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 192—266.

Pov. o Vas. Zlat. — Povest o Vasilii Zlatovlasom // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 389—406.

Pov. o Yer. Laz. — Povest o Yeruslane Lazareviche // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 301—322.

Pov. o zhit. c. Fed. Iv. — Povest o zhitii carya Fedora Ivanovicha // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 14. St-.Peterburg, 2006. S. 54—103.

Pov. ob Azov. sid. — Povest ob Azovskom osadnom sidenii donskikh kazakov // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 139—154.

Rudnev 2011 — D. V. Rudnev. Modalnyye glagoly-svyazki i ikh rol v formirovanii semantiki opornykh slov slozhnopodchinennogo predlozheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. 2011. Vyp. 1. S. 128—133.

Shvedova 1964 — N. Yu. Shvedova. Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX v. // Razdel «Izmeneniya v sisteme prostogo predlozheniya». Moskva, 1964. S. 20—368.

Skaz. o c. Vas. Konst. — Skazaniye o care Vasilii Konstantinoviche // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga pervaya. Moskva, 1988. S. 442—447.

Sl. Sreznevskogo — I. I. Sreznevskiy. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. 1—3. St.-Peterburg, 1893—1912.

Sl. Ushakova — Tolkovyy slovar russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova. T. 1—4. Moskva, 1935—1940.

SlRYa XI—XVII — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 1—28. Moskva, 1975—2008.

SRYa — Slovar russkogo yazyka / Pod red. A. P. Yevgenyevoy. Izd. 2-e, ispr. i dop. T. 1—4. Moskva, 1981—1984.

St. sp. Mikul. — Stateynyy spisok G. I. Mikulina (1600) // Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynyye spiski. St.-Peterburg, 2008. S. 156—205.

St. sp. Novos. — Stateynyy spisok I. P. Novosilceva (1570) // Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynyye spiski. St.-Peterburg, 2008. S. 63—99.

St. sp. Pisem. — Stateynyy spisok F.A. Pisemskogo (1582—1583) // Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynyye spiski. St.-Peterburg, 2008. S. 100—155.

Sum., Korshun — A. P. Sumarokov. Korshun (1760) // Sumarokov A. P. Izbrannyye proizvedeniya. Bolshaya seriya biblioteki poeta, vstupitelnaya statya, podgotovka teksta i primechaniya P. N. Berkova. Leningrad, 1957. S. 210 — 211.

Tat., Don. Anne Ioann. — V. N. Tatishchev. Donosheniye Anne Ivanovne ob izgotovlenii i otpuske mednykh kruzhkov, stroitelstve novykh zavodov, obnaruzhenii bogatykh zalezhey zheleznoy rudy v Verkhoturskikh gorakh, o perepisi raskolnikov i po drugim voprosam (26 iyunya 1735) // V. N. Tatishchev. Zapiski. Pisma. Moskva, 1990. S. 194—197.

Tat., P. Shum. — V. N. Tatishchev. Pismo I. D. Shumakheru (22 marta 1731) // V. N. Tatishchev. Zapiski. Pisma. Moskva, 1990. S. 140.

Tat., Razg. dvu priyat. — V. N. Tatishchev. Razgovor dvu priyateley o polze nauki i uchilishchakh // V. N. Tatishchev. Izbrannyye proizvedeniya. Leningrad, 1979. S. 51—132.

Tred., Nov. i kr. sp. — V. K. Trediakovskiy. Novyy i kratkiy sposob k slozheniyu rossiyskikh stikhov s opredeleniyami do sego nadlezhashchikh zvaniy (1735) // Trediakovskiy V. K. Izbrannyye proizvedeniya (Biblioteka poeta. Bolshaya seriya). Moskva; Leningrad, 1963. S. 365—420.

Zh. Avv. — Zhitiye protopopa Avvakuma // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga vtoraya. Moskva, 1989. S. 351—454.

Zh. Dion. — Zhitiye arkhimandrita Troice-Sergiyeva monastyrya Dionisiya // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 14. St.-Peterburg, 2006. 356—463.

Zh. Yepif. — Zhitiye Yepifaniya // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga vtoraya. Moskva, 1989. S. 310—336.

Резюме

В статье рассматривается путь формирования связочного значения глагола *стать*. На основании различных прямых и косвенных данных делается вывод, что при образовании связки *стать* значение начинательности было осложнено оттенком обнаружения (эмергенциальным). Эмергенциальный оттенок сохранялся у связки *стать* очень долгое время, предопределив особенности ее сочетаемости в составном именном сказуемом и ее очень широкое употребление в разнообразных синтаксических конструкциях. Многие случаи употребления глагола *стать* в современном русском языке сохраняют указание на эмергенциальный оттенок этого глагола и на разговорную сферу их употребления. Именно разговорная речь была той средой, в которой сформировалась связка *стать*.

Ключевые слова: русский язык, историческая грамматика, синтаксис, семантика, связка, связочный глагол, составное именное сказуемое.

Статья получена 12.12.2013

DMITRY V. RUDNEV

ON THE ORIGIN OF THE COPULAR VERB *STAT'*

The article deals with the formation of the copular meaning of the verb *stat'*. The analysis of direct and indirect data allows to conclude that originally the initialization semantics of the copula *stat'* was combined with the connotation of discovery (emergentiality). This connotation, maintained for quite a long time, influenced the usage of the copular verb, and this explains certain peculiarities of its usage in the compound nominal predicate and in a wide range of other syntactic structures. In the modern Russian the verb *stat'* often retains the emergential connotation. Since such cases are mostly found in colloquial usage, which shows that it was in the colloquial language that the copular verb *stat'* originated.

Keywords: The Russian language, historical grammar, syntax, semantics, copular verb, compound nominal predicate.

Received on 12.12.2013